

Главная страница

О журнале

Отчет о работе журнала за 2018 г.

Научно-редакционный совет

Приглашение к публикациям

АКТУАЛЬНЫЕ СТРАХИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ ГЕНДЕРНЫХ ГРУПП, ИНТЕГРИРОВАННЫХ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВО

Козлова Н.В., Рябинин А.С. (Томск, Россия)

Info-portal
medpsy.ru

Предыдущие выпуски журнала

2019 год

2018 год

2017 год

2016 год

2015 год

2014 год

2013 год

2012 год

2011 год

2010 год

2009 год

Козлова Наталья Викторовна

доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой генетической и клинической психологии; федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» пр. Ленина, 36, Томск, 634050, Россия. Тел.: 8 (382-2) 529-580.

E-mail: akme_2003@mail.ru

Рябинин Артем Сергеевич

студент; федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» пр. Ленина, 36, Томск, 634050, Россия. Тел.: 8 (382-2) 529-580.

E-mail: ryabinin_artiom@mail.ru

Аннотация. В данной статье представлено эмпирическое исследование типов актуальных страхов у представителей различных гендерных групп с учётом интегрированности в интернет-пространство. Авторами рассматривается проблема высокой степени вовлеченности людей в интернет-пространство, делается предположение о том, что причиной является «страх социальной оценки и вмешательства», который затрудняет принятие их гендерной идентичности. В представленном исследовании принял участие 141 человек в возрасте от 14 до 40 лет ($mean$ 20,3; SD 3,69), из них 70 (49,64%) принявших участие в исследовании — мужчины. Авторами для подтверждения взаимосвязи выраженности актуальных страхов с времяпрепровождением в интернет-пространстве у представителей различных гендерных групп были выбраны следующие психологические методы: полоролевой опросник С. Бем; опросник иерархической структуры Ю.В. Щербатых и Е.И. Ивлевой; авторская анкета, направленная на выявление социально-демографических характеристик и степени времяпрепровождения в интернет-пространстве респондентов. При анализе субъективной оценки собственного гендера опрошенных и объективных данных выяснилось, что поляризация гендерной классификации невозможна. Как следствие, авторами была проведена группировка респондентов следующим образом: цисгендеры — в данную группу (14,6% от общей выборки) вошли респонденты, чей выбор биологического пола совпадает с их социальным полом; дисгендеры — данные респонденты (9,2% от общей выборки) были выделены по критерию несовпадения биологического и социального пола (гендера), при этом биологический пол респонденты выбирали сами, а социальный пол был рассчитан при помощи полоролевого опросника С. Бем; андрогини — в данную группу (77,3% от общей выборки) вошли респонденты, имеющие высокие показатели маскулинности и фемининности по полоролевому опроснику С. Бем. Авторами в данной статье было исследовано, что респонденты пребывают большое количество времени в интернет-пространстве вне зависимости от гендерной группы, однако их актуальные страхи не связаны с пребыванием в интернет-пространстве. При этом существенная выраженность отдельных кластеризованных групп страха у различных гендерных групп статистически не подтверждена. Представленные в статье результаты демонстрируют возможность существования нелинейной связи между интегрированием в интернет-пространство и выраженностью актуальных страхов, а также особенности проявления актуальных страхов для различных гендерных групп.

Ключевые слова: актуальные страхи; гендерные группы; интернет-пространство; гендерная идентичность; социальные страхи.

Поступила в редакцию:	Прошла рецензирование:	Опубликована:
13.07.2019	07.08.2019	15.09.2019

Ссылка для цитирования размещена в конце публикации.

Введение

Современное общество активно интегрируется в интернет-пространство, в связи с этим социальные роли также переходят в режим онлайн [6]. В интернет-пространстве за счет тотальной анонимности, доступности и ощущения безопасности любой человек может создавать отношения с малознакомыми людьми, спокойно относясь к негативным последствиям этого общения, ведь в случае неудачи всегда имеется возможность перейти на другой ресурс.

Интернет-пространство позволяет формировать новую идентичность, создавать новый образ, внешний вид, возраст, пол и многое другое и реализовывать те потребности личности, которые невозможны из-за ущемления социумом [2; 4]. «Ежемесячная аудитория интернета достигает 90 млн человек и составляет 73%

населения страны старше 12 лет», — сообщает директор по интернет-исследованиям компании Mediascope Инесса Ишунькина [31]. Однако, по мнению ряда экспертов, это только начало развития системы интернет-пространства [6; 7]. На сегодняшний день, по разным подсчетам, около 10% пользователей во всём мире являются интернет-зависимыми, российские психиатры считают, что сейчас в нашей стране таковых от 4 до 6%, а это почти 9 миллионов человек [7; 15]. Кроме того, по мнению Кивайко М.С., особые трудности в межличностном общении и предрасположенность к возникновению интернет-зависимости характерны для так называемых гендерных меньшинств [14].

Согласно экспертам из Institute of Medicine (US) Committee on Lesbian, Gay, Bisexual, and Transgender Health Issues and Research Gaps and Opportunities, гендерная идентичность относится к внутреннему переживанию человека, ощущению себя как «мужчины», «женщины», «трансгендера» или как кого-либо другого из разнообразных недвойственных гендерных классификаций [28]. За последнее десятилетие все больше исследований здоровья проводится в области гендерных меньшинств. В области психического здоровья фокус исследований сместился от концептуализации гендерных меньшинств как расстройств к признанию и постепенному принятию идеи депатологизации трансгендерности и гендерно несоответствующих людей [26].

Гендерная идентичность заложена не только социальными установками, транслируемыми обществом, но и конституционально [24]. Маскулинность и феминность отмечаются разными исследователями как основные формы гендерных проявлений. Гендер, в свою очередь, может свободно являться «внетелесным выразителем пола» в определенных как социальных, так и культурных условиях существования человека. Понимание биологического пола связано с реальным существованием на равных основаниях мужского и женского полов, что позволяет отследить и изучить телесную организацию. Гендер же выражается в том, как предьявляет себя биологический пол, а также реализует себя в обществе и культуре. Н.А. Хафизова, изучая наблюдения М. Мид, делает вывод, что именно от того, как человек реализует себя в обществе и культуре, зависит транслирование ролей и стигматизация поведения данного человека в разных культурах, в которых содержательное наполнение ролей может иметь различия до абсолютной противоположности [13; 16; 24].

Важно отметить, что изменения происходят не только в облике, а также и в психической организации. Человек, чью гендерную идентификацию не принимает общество, может как осознавать свою свободу и жить не боясь, так и чаще всего получать колоссальное давление, стараясь спрятаться/убежать от непринятия себя, как вариант в интернет-пространство [22; 25].

Обретение личностной идентичности, освоение допустимых социальных ролей происходит в процессе социализации. Любые изменения в этой системе могут привести к деструктивной реакции личности, направленной на общество или самого себя. Эмоции, в свою очередь, тоже являются отражением в форме пристрастного переживания отношения человека к окружающим и происходящему с ним [3; 19]. Такие исследователи, как Л.Ш. Крупеникова, В.И. Курбатов и А. Муранова, выделяют феномен «интернет-фобии», характерный для интернет-пользователей, подразумевая переживания сильного, навязчивого страха, «необратимо обостряющегося» при контакте с определенными объектами, ситуациями или деятельностью [15; 23].

Учитывая характеристики времяпрепровождения в интернет-пространстве, под зависимым поведением подразумевается глубокая погруженность при отсутствии контакта с миром вне интернет-пространства. Как следствие, ряд авторов [4; 17] считает, что таким поведением обладают те пользователи интернет-пространства, которые стремятся к получению социальной поддержки за счет принадлежности к определенной социальной группе [30], при этом в основном выбирается аддиктивная группа [21].

В данной статье мы представляем исследование актуальных страхов у представителей различных гендерных групп, интегрированных в интернет-пространство.

Материалы и методы

Для подтверждения взаимосвязи выраженности актуальных страхов с времяпрепровождением в интернет-пространстве у представителей различных гендерных групп нами были выбраны следующие психологические методы:

- Опросник иерархической структуры актуальных страхов личности Ю. Щербатых и Е. Ивлевой [27]. В исследованиях Ю.В. Щербатых и Е.И. Ивлевой, посвященных изучению актуальных страхов, представлена двадцатичетырехтипная классификация страхов в соответствии с объектами страха. Было установлено, что существуют определенные различия в фабуле возникновения страха у лиц разного пола [19]. Авторы рассматривают актуальный страх как негативную эмоцию, возникающую при угрозе жизни, здоровью или социальным установкам. Так, авторы поддерживают идею, что необходимо совместно с феноменом страха рассматривать феномены, близкие по негативной эмоциональной окраске, такие как: «тревога», «испуг», «паника», «фобии» и т.д. (под фобиями подразумеваются навязчивые, неконтролируемые, иррациональные, неадекватные страхи). Методика состоит из 24 вопросов, где каждый вопрос относится к определенному виду страха и степень выраженности каждого страха ранжируется от 1 до 10. Итогом является суммарный показатель по всем 24 страхам. При этом у мужчин средний интегральный показатель страха — $77,9 \pm 4,7$ балла, у женщин — $104,0 \pm 2,5$ балла, минимальный показатель может быть на уровне 24 баллов.
- Полоролевой опросник С. Бем. Согласно её теории, именно среда накладывает на людей определенную половую типизацию, которую в дальнейшем люди используют в большинстве случаев как собственную гендерную схему [1]. С позиции автора, для выявления людей, для которых характерна половая типизация, необходима оценка ряда черт личности. Это позволяет определять людей с типично маскулинными чертами («уверенный в себе», «независимый»), но низкими типично феминными чертами («сопереживающий», «нежный»), а также феминных и андрогинных. Опросник состоит из 60 прилагательных/пунктов, и респонденту необходимо выбрать те пункты, которые, по его

мнению, подходят больше при описании самого респондента. При этом 20 пунктов отражают традиционное представление о маскулинности (смелость, склонность к риску) и 20 пунктов, аналогично отражающие представления о феминности (женственность, ранимость, уступчивость). Вариация соотношений ответов по каждой категории показывает выраженность того или иного признака: так, опросник позволяет определить гендер в диапазоне от «ярко выраженной маскулинности» — при значении больше $-2,025$ — к «андрогинности» — в промежутке от -1 до $+1$ — и до «ярко выраженной феминности» — при значении больше $+2,025$.

— Авторская анкета [20], направленная на выявление социально-демографических характеристик и степени времяпрепровождения в интернет-пространстве респондентов. В анкету вошли вопросы, описывающие следующие характеристики: пол, возраст, гендер, времяпрепровождение в интернет-пространстве, род занятости (школьник, студент, свободная занятость, работающий, другое), полная/неполная семья, количество детей и то, каким по порядку рожден респондент. При этом в самой анкете респондентам раскрывалось значение термина «гендер» как социального, а не биологического пола. Респондентам предлагался выбор наиболее популярных гендерных идентификаций:

- феминная (ваше поведение более женственно, чем мужественно);
- маскулинная (ваше поведение более мужественно, чем женственно);
- андроген (ваше поведение в равной мере и женственно, и мужественно);
- агендер (ваше поведение неженственно, немужественно);
- транссексуал (вы изменили свой биологический пол);
- трансгендер (вы проявляете себя как противоположный пол);
- другое.

На базе интернет-платформы «Google Формы» (путем рассылки случайным пользователям социальной сети «ВКонтакте») из приглашенных 419 респондентов ответили на опрос 96. Для увеличения репрезентативности выборки и усреднения пользователей внутри и вне интернет-пространства нами был проведен опрос среди студентов и сотрудников университетов города Томска. Из 50 принявших участие 3 не указали свой пол и возраст, что не позволило включить их данные в анализ.

Всего в исследовании приняли участие 141 человек в возрасте от 14 до 40 лет (mean 20,3; SD 3,69), из них 70 (49,64%) принявших участие в исследовании — мужчины.

Для проведения статистического анализа была использована среда IBM SPSS Statistics версии 23 как оптимальный и доступный инструмент, проверенный неоднократными исследованиями [14].

Результаты исследования

При анализе субъективной оценки собственного гендера опрошенных и объективных данных выяснилось, что поляризация гендерной классификации невозможна. На основании теории С. Бем нами была выдвинута идея о дифференциальном разделении общей выборки на отдельные группы [12; 29; 30]:

Цисгендеры — респонденты, чей биологический пол совпадает с полученными результатами полоролевого опросника [9; 10].

Дисгендеры — респонденты, чей биологический пол противоположен результатам полоролевого опросника (авт. дисгендер (от лат. dis (пристав.)) — «разделение», «отделение», «противопоставление» и от англ. gender — «род», «признак пола») — человек, чья неосознаваемая самоидентификация противоположна биологическому полу, при этом осознаваемая самоидентификация может быть иной) [20].

Андрогинны — респонденты, которые обладают высокими показателями как маскулинности, так и феминности [8; 18].

Общие результаты анализа демографических данных демонстрируют следующее: у 62,41% респондентов времяпрепровождение в интернет-пространстве превышает средний уровень; 3,56% респондентов пребывают в интернет-пространстве до 20 часов в сутки; 18,44% респондентов пребывают в интернет-пространстве до 16 часов в сутки; 29,79% респондентов пребывают в интернет-пространстве до 12 часов в сутки; 22,69% респондентов пребывают в интернет-пространстве менее 8 часов в сутки; 14,89% респондентов пребывают в интернет-пространстве менее 4 часов в сутки; 0,71% респондентов «почти не заходят в интернет»; у 80,8% мужчин времяпрепровождение в интернет-пространстве превышает среднее значение; у 66,67% женщин мы зафиксировали времяпрепровождение в интернет-пространстве больше средней нормы.

Интерпретация данного вопроса основывалась на статистических данных времяпрепровождения Mediascop [30], пребывание в интернет-пространстве более 12 часов является показателем выше среднестатистического.

Демографические данные по каждой из гендерной групп в отдельности.

1. *Цисгендеры*. В данную группу вошли респонденты, чей выбор биологического пола совпадает с их социальным полом. Группу составил 21 (14,6% от общей выборки) респондент в возрасте от 18 до 29 лет (mean 20; SD 2,7), женского пола — 15 (71,43%). Группа формировалась по итогам полученных данных методики С. Бем (полоролевой опросник), при этом гендер, отмеченный респондентами, не являлся критерием для формирования группы. Таким образом, 3 (14,3%) респондента женского и 2 (1,4%) мужского пола указали свой гендер как андрогин, и один (0,7%) респондент женского пола указал себя как агендер, однако по результатам обработки методики они являлись цисгендерами. Также четверо респондентов мужского пола выбрали маскулинный гендер, а 11 респондентов женского пола — феминный гендер, следовательно, только 71,4% респондентов данной группы верно идентифицируют свой гендер. В вопросе о времяпрепровождении в интернете результаты высокой степени интегрированности в интернет-пространство были отмечены у 66,6%

респондентов.

Респонденты женского пола (с феминным гендером) по шкале среднего интегрального показателя страха (далее — СИПС) демонстрируют повышенный уровень страха (86,7%). Показатели страха у мужчин (с маскулинным гендером) распределены идентично по всем уровням выраженности страхов.

Таким образом, респонденты в данной группе цисгендеров с феминным гендером имеют большую тенденцию к выраженности высокого уровня страхов. У 5 респондентов (23,8%) общей группы наблюдается выраженность фобической симптоматики (из них 4 женского пола). 71,43% опрошенных в данной группе имеют высокий уровень страхов.

2. *Дисгендеры.* Данные респонденты были выделены по критерию несовпадения биологического и социального пола (гендер), при этом биологический пол респонденты выбирали сами (условимся считать истинным их ответ), а социальный пол был рассчитан при помощи полоролевого опросника С. Бем.

Полученная группа опрошенных состоит из 13 (9,2% от общей выборки) респондентов (61,5% маскулинных женщин, 38,5% феминных мужчин) в возрасте от 17 до 40 (mean 22; SD 6.73).

На вопрос о времяпрепровождении в интернете 30,8% респондентов ответили, что пребывают в интернете менее 4 часов, 15,4% — менее 8 часов, по 23% респондентов проводят до 12, до 16 часов в сутки и один респондент (7,8%) ответил, что находится в интернете постоянно. Общегрупповая тенденция: 53,8% пребывают в интернете сверх средней нормы.

Средний интегральный показатель страха (СИПС) для мужчин находится в промежутке от 72 до 82 баллов, у всех респондентов мужского пола (5 респондентов) данный показатель превышает средние параметры. При этом фобическая симптоматика не выражена. СИПС для женщин находится в промежутке от 102 до 107 баллов, среди респондентов женского пола (8 респондентов) 33,3% имеют повышенный уровень, а 66,7% женщин имеют уровень ниже среднего. У одного респондента наблюдается фобическая симптоматика с тенденцией к социальным страхам. 50% опрошенных в данной группе имеют высокий уровень страхов. 7,14% имеют тенденцию к фобической симптоматике.

Важно отметить: 2 респондента (маскулинные женщины) идентифицируют себя как трансгендеры. Так, по результатам опроса данные респонденты различны по возрасту (21 год и 17 лет), по времяпрепровождению в интернете (менее 8 и 24 часа соответственно). Заметим, что респондент, пребывающий в интернете 24 часа в сутки, имеет повышенный СИПС — 134 балла, для него характерны следующие страхи: сумасшествия, публичных выступлений, самоубийства, пауков, перед начальством и войны. Остальные страхи либо слабо волнуют, либо не волнуют респондента вовсе. Общим итогом может служить понимание тенденции к фобическим переживаниям, связанным с социальным окружением. У второго данной картины не наблюдается (показатели страхов не поднимаются выше 7 баллов).

Также в данной группе три респондента (23,07%) идентифицируют свой гендер как андрогинный (двое из них — мужчины) и трое идентифицируются как агендеры (23,07%), при этом все являются женщинами. При анализе демографических данных было выявлено, что все респонденты-агендеры пребывают в интернете менее 4 часов, респонденты-андрогины в основном пребывают в интернете до 16 часов.

3. *Андрогины.* В данную группу вошли респонденты, чьи результаты высоки по таким показателям полоролевого опросника С. Бем, как маскулинность и феминность.

В группу вошли 109 респондентов (77,3% от общей выборки) в возрасте от 14 до 35 лет (mean 20,2; SD 3,3). 53,21% составили представители мужского пола. Отметим, что 72,41% мужчин выбрали гендер как маскулинный, 39,3% — как андрогинный. Два представителя данной группы — 3,5% — феминны, у обоих респондентов высокие показатели СИПС и тенденция к фобической симптоматике; ещё двое — 3,5% — агендерны; один представитель выборки обладает гендерфлюидным гендером (высокий показатель СИПС в сочетании с тенденцией к фобической симптоматике). Гендерная идентификация среди женщин-андрогинов распределилась следующим образом: 41,18% женщин выбрали свой пол как феминный, 45% — андрогинный, 3,9% — маскулинный (высокие показатели СИПС, но не выражена фобическая симптоматика), 3,9% — агендерный (у одного из респондентов выражены высокие показатели СИПС и тенденция к фобической симптоматике, у второго же данные противоположны), 9,53% — трансгендерный (показатели СИПС в границах среднего).

По вопросу о времяпрепровождении в интернете выявлено, что 39,5% респондентов данной группы пребывают в интернет-пространстве на низком уровне, а 60,5% респондентов пребывают в интернет-пространстве на высоком уровне.

Респонденты женского пола по результатам диагностики страхов демонстрируют следующие показатели: 59,3% — высокий СИПС, 7,4% — средний СИПС, 33,3% — низкий СИПС. 48,14% имеют тенденцию к фобической симптоматике. Респонденты мужского пола по результатам диагностики страхов демонстрируют следующие показатели: 84,9% — высокий СИПС, 8,6% — низкий СИПС, 6,5% — средний СИПС. 36,9% имеют тенденцию к фобической симптоматике.

Общие показатели в группе по данной диагностике следующие: у 75,3% — высокий СИПС, 6,8% демонстрируют средний СИПС, и для 17,8% характерен низкий СИПС. 40,2% имеют тенденцию к фобической симптоматике.

Сопряженность времяпрепровождения в интернет-пространстве и различных гендерных групп, представленная в таблице 1 (табл. 1), показывает высокий уровень времяпрепровождения в интернет-пространстве всей выборки (61,7%) и столь же высокую степень в каждой из отдельных гендерных групп.

Таблица 1

Описательная таблица сопряженности уровня времяпрепровождения
в интернет-пространстве и гендерных групп респондентов

			Времяпрепровождение		Всего
			Высокое	Низкое	
Классифицированные группы	Цисгендер	Гендерные группы	66,7%	33,3%	100,0%
		Интернет занятость	16,1%	13,0%	14,9%
	Дисгендер	Гендерные группы	63,6%	36,4%	100,0%
		Интернет занятость	8,0%	7,4%	7,8%
	Андрогин	Гендерные группы	60,6%	39,4%	100,0%
		Интернет занятость	75,9%	79,6%	77,3%
Всего	Гендерные группы	61,7%	38,3%	100,0%	
	Интернет занятость	100,0%	100,0%	100,0%	

Полученные данные были подвергнуты следующей обработке:

1. *Кластерный анализ показателей актуальных страхов данных представителей выборки.* Использование кластерного анализа актуальных страхов (кластеризация методом связи наиболее удаленного соседа — мера манхэттенская/Варда), позволило выделить следующие группы (типы) страхов, условно названные нами:

- страхи отсутствия контроля;
- страхи социальной оценки и вмешательства;
- страх причинения вреда себе или близким;
- иррациональные страхи.

Каждый из страхов, выделяемый опросником актуальных страхов, вошел в свой кластер. Названия кластерам были даны на основании классификации Б.Д. Карвасарского [11], Ю.В. Щербатых [27]. Так, Ю.В. Щербатых делит все страхи на три группы: природные страхи (угроза жизни от природных явлений и животных), социальные страхи (угроза изменения социального статуса), экзистенциальные страхи. Б.Д. Карвасарский основывается в своей классификации на фабулу страха: боязнь пространства (клаустрофобия, агорафобия, страх высоты и др.), социофобия (страх общества, эрептофобия и др.), нозофобия (страхи заболеть), танатофобия, сексуальные страхи, страхи нанести вред себе или близким, «контрастные» страхи, фобифобии (иррациональные страхи).

В первый выделенный кластер, условно названный нами «страхи отсутствия контроля», вошли: страх болезни близких, страх изменений в личной жизни, страх ответственности, страх бедности, страх перед будущим, страх перед негативными последствиями болезней близких людей. Данный кластер получил такое название по причине интерпретации термина «контроль» как склонность человека приписывать ответственность за происходящее в его жизни внешним силам, включая события и результаты своей деятельности, либо собственным способностям и усилиям, что в концепции Дж. Роттера является локусом контроля. Таким образом, страх отсутствия контроля в данном конкретном контексте может интерпретироваться как острое переживания по причине невозможности самостоятельного контролирования происходящих действий вокруг респондента.

Во второй кластер «страхи социальной оценки и вмешательства» вошли страх сумасшествия, страх преступности, страх начальства, страх перед экзаменами, страх войны, страх перед публичными выступлениями. Данный кластер по своему семантическому полю сходен с выделенной Ю.В. Щербатых группой страхов «социальные страхи» [27]. Однако включает в себя такой элемент воздействия, как «вмешательство», что в данном конкретном случае ближе сравнить с термином «интервенция».

В третий кластер «страх причинения вреда себе или близким» вошли страх темноты, страх за сердце, боязнь замкнутых пространств, страх заболеть каким-либо заболеванием, связанным с половой функцией, страх самоубийства, страх агрессии по отношению к близким. В данном кластере можно проследить актуализацию переживаний, связанных с невозможностью совладать со своими острыми переживаниями, что может привести к некоторому неконтролируемому деструктивному или даже суицидальному поведению. Сходным по интерпретации является мнение Б.Д. Карвасарского в его классификации по фабуле страха [11].

В четвертый кластер «иррациональные страхи» вошли: страх старости, страх глубины, страх высоты, страх смерти, страх пауков и змей. Данный кластер по своему семантическому полю сходен с выделенными Ю.В. Щербатых группами страхов «экзистенциальные страхи», «биологические страхи» [27]. Вошедшие в данный кластер страхи в нашем понимании интерпретируются как саморазрушающие, не поддающиеся осмыслению, «липкие» страхи, близкие к фобиям [11].

2. *Получение суммарного ранга интегрального показателя страха.* По итогам выделенных кластеризованных групп определены типы страхов для каждого из респондентов.

3. *Определение сопряженности по следующим критериям:*

- А) Гендерные группы — полученный критерий был сформирован из трёх гендерных групп: цисгендер, дисгендер и андрогин, на основании полученных данных полоролевого опросника С. Бем.
- Б) Кластеризованные группы страхов — данный критерий был получен путем статистической обработки и включает в себя следующие группы: «страх отсутствия контроля», «страх социальной оценки и вмешательства», «страх причинения вреда себе или близким», «иррациональные страхи».
- В) Времяпрепровождение в интернет-пространстве — выявление времяпрепровождения в интернет-пространстве.

Из таблицы сопряженности гендерных групп и кластеризованных групп (табл. 2) видны следующие особенности: «страх отсутствия контроля» в основном испытывают представители группы андрогинов (96,0%); «страхи социальной оценки и вмешательства» и «страх причинения вреда себе или близким» выделенные группы испытывают в близкой степени выраженности; «иррациональные страхи» в большей выраженности испытывают представители группы дисгендеров (45,5%).

Таблица 2

Описательная таблица сопряженности гендерных групп и кластеризованных групп

			Гендерные группы			Всего
			Цисгендер	Дисгендер	Андрогин	
Кластеризованные группы	Страхи отсутствия контроля	Кластеризованные группы	4,0%	0,0%	96,0%	100,0%
		Гендерные группы	4,8%	0,0%	22,0%	17,7%
	Страхи социальной оценки и вмешательства	Кластеризованные группы	19,1%	8,5%	72,3%	100,0%
		Гендерные группы	42,9%	36,4%	31,2%	33,3%
	Страхи причинения вреда себе или близким	Кластеризованные группы	16,7%	5,6%	77,8%	100,0%
		Гендерные группы	28,6%	18,2%	25,7%	25,5%
Иррациональные страхи	Кластеризованные группы	15,2%	15,2%	69,7%	100,0%	
	Гендерные группы	23,8%	45,5%	21,1%	23,4%	
Всего	Кластеризованные группы	14,9%	7,8%	77,3%	100,0%	
	Гендерные группы	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	

Из таблицы сопряженности времяпрепровождения в интернет-пространстве и кластеризованных групп страхов (табл. 3) видны следующие особенности: не наблюдается разделения на определённые группы страхов по степени пребывания в интернет-пространстве. Другими словами, пребывание в интернет-пространстве и испытание определенных кластеризованных групп страхов количественно не выявлено; в основном у всех пользователей в равной степени превалирует группа «страх социальной оценки и вмешательства».

Таким образом, результаты (табл. 1 и 2) сопряженности позволяют сделать вывод о том, что большинство респондентов прибывает в интернет-пространстве с превышением средней нормы; разделение типов страхов в первичном анализе выделить не удалось, однако количественно можно выделить направленность ряда групп гендеров к группам страха.

Таблица 3

Описательная таблица сопряженности времяпрепровождения в интернет-пространстве и кластеризованных групп страхов

			Времяпрепровождение		Всего
			Высокое	Низкое	
Кластеризованные группы	Страхи отсутствия контроля	Кластеризованные группы	60,0%	40,0%	100,0%
		Интернет занятость	17,2%	18,5%	17,7%
	Страхи социальной оценки и вмешательства	Кластеризованные группы	63,8%	36,2%	100,0%
		Интернет занятость	34,5%	31,5%	33,3%
	Страхи причинения вреда себе или близким	Кластеризованные группы	66,7%	33,3%	100,0%
		Интернет занятость	27,6%	22,2%	25,5%
Иррациональные страхи	Кластеризованные группы	54,5%	45,5%	100,0%	
	Интернет занятость	20,7%	27,8%	23,4%	
Всего	Кластеризованные группы	61,7%	38,3%	100,0%	
	Интернет занятость	100,0%	100,0%	100,0%	

4. *Корреляционный анализ*, направленный на выявление взаимосвязи времяпрепровождения в интернет-пространстве и групп/кластеров страхов, не демонстрирует показатели статистической значимости.

Обсуждение результатов

Полученные результаты исследования могут быть интерпретированы следующим образом.

1. Ошибочный подход к сбору и интерпретации данных. Респондентам был задан единственный вопрос, связанный с интеграцией в интернет-пространство, что не отражает всей реальности. Также данный результат мог получиться как следствие ошибочного/некорректного формирования выборки, а именно вариант ошибочного разделения на группы гендеров, так как разделение проводилось на основе эмпирических результатов С. Бем и сравнения результатов с полом, где не были учтены субъективные отношения респондентов к своему гендеру [5]. Можно говорить

также о том, что выборку необходимо увеличить, потому что выборка из 141 респондента недостаточна для полного отражения всего спектра «переменных», включенных в анализ.

2. Если учесть, что анализ был построен корректно и допущение ошибок сведено к минимуму, то можно увидеть следующее: разделение между выраженностью страхов у различных гендеров абсолютно уникально, а наличествующая возможная связь между времяпрепровождением в интернет-пространстве и группами страхов не подчиняется линейному взаимодействию. Вне зависимости от гендерной группы респонденты пребывают большее количество времени в интернет-пространстве, но их актуальные страхи не связаны с пребыванием в интернет-пространстве. При этом существенная выраженность отдельных кластеризованных групп страха у различных гендерных групп статистически не подтверждена.

Выводы

1. Описательный, или качественный анализ данных сопряженности показывает: вовлеченность в интернет-пространство характерна для всей выборки вне зависимости от принадлежности к гендерной группе.
2. Актуальный страх — «страх социальной оценки и вмешательства» — имеет значительную выраженность для всех гендерных групп. Минимальная выраженность выявлена относительно группы «страх отсутствия контроля», составляет 17,7% выборки.
3. Различные гендерные группы характеризуются своими актуальными страхами:
  - А) Для цисгендеров и андрогинов характерен актуальный страх «страх социальной оценки и вмешательства» (42,9% и 31,2% соответственно).
  - Б) Для дисгендеров характерен актуальный страх «иррациональные страхи», 45,5%.
4. Сопряженность времяпрепровождения в интернет-пространстве и кластеризованных групп страхов демонстрирует аналогичные значения выраженности актуального страха «социальной оценки и вмешательства», который выявлен у респондентов, обладающих как высоким, так и низким уровнем интегрированности в интернет-пространство (34,5% и 31,5% соответственно).

Можно сделать вывод, что респонденты в основном пребывают в интернет-пространстве вне зависимости от страхов (например, респонденты испытывают «страх социальной оценки и вмешательства» независимо от уровня интегрированности в интернет-пространство). Данный феномен мы объясняем тем, что человек, переживающий какие-либо стрессовые, негативные, тревожные ситуации в реальной жизни, от социального давления/непринятия интегрируется в интернет-пространство, но не уходит от переживаний, связанных с социумом, продолжая коммуникацию с социумом в интернете. Следует отметить, что нами не учитывались и не изучены сами процессы становления коммуникации и проявления гендерной идентификации [2].

Литература

1. Бем С.Л. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов / пер. с англ. Д. Викторова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). – 2004. – 336 с.
2. Воронина О.А. Виртуальное тело и нормативный гендер в киберпространстве // Человек. – 2016. – № 2. – С. 5–14.
3. Воронова А.В. Гендерная психология: некоторые проблемы и перспективы // Ярославский педагогический вестник. – 2018. – № 1. – С. 139–147.
4. Ганский П.Н. Интернет-пространство как особая коммуникационная среда и его влияние на современные общества // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 17. – С. 118–121.
5. Думнова Э.М., Романиков О.Д. Гендерная идентичность как фактор формирования ментальности // Омский научный вестник. – 2013. – № 5 (122). – С. 99–102.
6. Дюкарева М.Ю. Медиапространство как пространство формирования человеческой идентичности // Бизнес. Общество. Власть. – 2014. – № 20. – С. 61–74.
7. Евсеева Л.И., Евсеев В.В. Проблема социальной адаптации человека в новых коммуникативных средах // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2017. – Т. 8., № 2. – С. 20–30.
8. Иванова А.С. Особенности самосознания агендеров // Инновации в науке. – 2018. – № 2 (78). – С. 32–35.
9. Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. – СПб.: Питер, 2003. – 544 с.
10. Ильин Е.П. Пол и гендер. – СПб.: Питер, 2010. – 688 с.
11. Карвасарский Б.Д. Неврозы. Руководство для врачей. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Медицина, 1990. – 576 с.
12. Кивайко М.С., Гутова С.Г. Трансформация гендерных ролей в молодежной среде // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки: Электронный сборник статей по материалам XXV студенческой международной научно-практической конференции. – Новосибирск: СибАК, 2014. – № 10 (24). – С. 51–59 [Электронный ресурс]. – URL: [http://www.sibac.info/archive/Social/10\(24\).pdf](http://www.sibac.info/archive/Social/10(24).pdf) (дата обращения: 07.02.2019).
13. Клещина И.С. Гендерная проблематика в публикациях журналов «Вопросы психологии» и «Психологический журнал» // Вопросы психологии. – 2012. – № 1. – С. 83–92.
14. Лагунова А.А., Муллинов Д.О., Баженов Р.И. Применение программной среды SPSS для исследования данных психологических методик // Психология, социология и педагогика. – 2015. – № 6 (45). – С. 137–146.
15. Ларионова С.О., Дегтярёв А.С. Интернет-зависимость у студентов: вопросы профилактики // Педагогическое образование в России. – 2013. – № 2. – С. 232–239.
16. Макарова С.Н., Обыдина А.И. Особенности проявления гендерных стереотипов у юношей и девушек в студенчестве // Журнал социологических исследований. –

2019. – Т. 4, № 1. – С. 39–44.

17. Мартёхин А.А. Интернет-зависимое поведение и перегрузка информацией // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2012. – Т. 10, № 3. – С. 24–27.

18. Наквасина С.Н. Транссексуализм или гендерная дисфория // Форум молодых ученых. – 2018. – № 2 (18). – С. 420–424.

19. Озёрина А.А., Пирогова О.Д. Особенности страхов у студентов гендерно вариативных лиц // Форум. Серия: Гуманитарные и экономические науки. – 2018. – № 3 (15). – С. 171–174.

20. Рябинин А.С. Исследование актуальных страхов у различных гендерных групп, интегрированных в интернет-пространство // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2019» / отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. – М.: МАКС Пресс, 2019 [Электронный ресурс]. – URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2019/data/16336/87910_uid338061_report.pdf (дата обращения: 09.07.2019).

21. Рябинин А.С., Козлова Н.В. Исследование актуальных страхов у гендерных меньшинств, интегрированных в интернет-пространство // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие: электрон. науч. журнал. – 2018. – Спец. выпуск. – С. 225–230 [Электронный ресурс]. – URL: http://humjournal.rzgm.ru/upload-files/04_23_18/LMM_4_23_2018_special.pdf (дата обращения: 27.06.2019).

22. Фетискин Н.П. Психологические основы гендерных исследований. – Кострома: Костр. гос. университет, 2017. – 548 с.

23. Харрис Р. Психология массовых коммуникаций / пер. с англ. Рысев С.Е., Орданская Л. – 4-е междунаро. изд. – М.: Прайм-Еврознак, 2002. – 448 с.

24. Хафизова Н.А. Маскулинность и феминность как стили (на примере исследований Маргарет Мид) // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. – 2015. – № 3. – С. 20–29.

25. Чукуров А.Ю. Гендер флюид: к вопросу о формировании нового феномена культуры // Приложение международного научного журнала «Вестник психофизиологии». – 2018. – № 2. – С. 29–31.

26. Чуркина Н.А. Маскулинность и феминность в современном обществе: состояние, тенденции трансформации // Социодинамика. – 2018. – № 5. – С. 16–20.

27. Щербатых Ю.В. Психология страха: популярная энциклопедия. – М.: Эксмо, 2007. – 512 с.

28. Institute of Medicine (IOM) The Health of Lesbian, Gay, Bisexual, and Transgender People: Building a Foundation for Better Understanding. – Washington, DC: The National Academic Press; 2011. – 366 p.

29. Monitoring the health of transgender and other gender minority populations: Validity of natal sex and gender identity survey items in a U.S. national cohort of young adults / S.L. Reisner, K.J. Conron, L.A. Tardiff [et al.] // BMC Public Health. – 2014. – № 14. – P. 1224 [Electronical resource]. – URL: <https://doi.org/10.1186/1471-2458-14-1224> (дата обращения: 12.12.2018).

30. Social Epidemiology of Depression and Anxiety by Gender Identity / S.L. Reisner, S.L. Katz-Wise, A.R. Gordon [et al.] // Journal of Adolescent Health. – 2016. – Vol. 59, № 2. – P. 203–208.

31. WEB-Index: Интернет аудитория Mediascope / Измерение аудитории СМИ / Web Index Report 2017 [Electronical resource]. – URL: <http://mediascope.net> (дата обращения: 10.12.2018).

Ссылка для цитирования

УДК 159.9:616.89-008.441.1

Козлова Н.В., Рябинин А.С. Актуальные страхи представителей различных гендерных групп, интегрированных в интернет-пространство // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2019. – Т. 11, № 5(58) [Электронный ресурс]. – URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

Все элементы описания необходимы и соответствуют ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка" (введен в действие 01.01.2009). Дата обращения [в формате число-месяц-год = чч.мм.гггг] – дата, когда вы обращались к документу и он был доступен.

Actual fears of gender groups representatives integrated into the internet-space

Kozlova N.V.¹

E-mail: akme_2003@mail.ru

Ryabinin A.S.¹

E-mail: ryabinin_artyom@mail.ru

¹ National research Tomsk state University

36 Lenin Ave., Tomsk, Russia 634050

Phone: +7 (382-2) 529-580

Abstract. This article presents an empirical study of the types of actual fears of various gender groups' representatives integrated into the Internet space. The main problem according to the authors is a high level of people's involvement in the Internet space. In the presented research, 141 people aged from 14 to 40 years old (mean 20.3; SD 3.69) took part, of which 70 (49.64%) took part in the research — men. The authors have chosen the following psychological methods to confirm the relationship of the severity of actual fears with spending time in the Internet space from representatives of different gender groups: S. Bem sex-role questionnaire; the hierarchical structure questionnaire of Y.V. Shcherbatykh and E.I. Ivlevoy; author's questionnaire aimed at identifying socio-demographic characteristics and the degree of pastime in the Internet space of the respondents. When analyzing the subjective assessment of our own gender of the respondents and objective data, it turned out that the polarization of gender classification is not possible. Result, the authors carried out a grouping of respondents: cisgenders — this group (14.6% of the total sample) included respondents whose choice

of biological sex coincides with their social sex; disgenderers — these respondents (9.2% of the total sample) were selected by the criterion of non-coincidence of the biological and social gender (gender), while the respondents chose the biological sex themselves, and the social gender was calculated using the sex role-playing questionnaire S. Bem; androgyns — this group (77.3% of the total sample) included respondents whose results are high in terms of both the masculinity and femininity of the sex-role-based questionnaire S. Bem. The authors of this article investigated that respondents are abundant in the Internet space, regardless of the gender group, but their actual fears are not related to being in the Internet space. At the same time, the significant expression of individual clustered groups of fear among various gender groups is not statistically confirmed. The results presented in the article demonstrate the possibility of the existence of a non-linear relationship between integration into the Internet space and the intensity of actual fears, and also it shows particular features of actual fears for various gender groups.

Key words: actual fears; gender groups; Internet space; gender identity; social fears.

Table 1

Descriptive table of contingency of the level of pastime in the Internet space and gender groups of respondents

			Pastaim		Total
			High level	Low level	
Cluster groups	Cisgenderers	Gender groups	66,7%	33,3%	100,0%
		Internet space	16,1%	13,0%	14,9%
	Disgenderers	Gender groups	63,6%	36,4%	100,0%
		Internet space	8,0%	7,4%	7,8%
	Androgyns	Gender groups	60,6%	39,4%	100,0%
		Internet space	75,9%	79,6%	77,3%
Total	Gender groups	61,7%	38,3%	100,0%	
	Internet space	100,0%	100,0%	100,0%	

Table 2

Descriptive table of the relationship between gender groups and clustered groups

			Gender groups			Total
			Cisgenderers	Disgenderers	Androgyns	
Cluster groups	The fear of lack of control	Cluster groups	4,0%	0,0%	96,0%	100,0%
		Gender groups	4,8%	0,0%	22,0%	17,7%
	The fear of social assessment and intervention	Cluster groups	19,1%	8,5%	72,3%	100,0%
		Gender groups	42,9%	36,4%	31,2%	33,3%
	The fear of self-harm or self-family	Cluster groups	16,7%	5,6%	77,8%	100,0%
		Gender groups	28,6%	18,2%	25,7%	25,5%
	The irrational fears	Cluster groups	15,2%	15,2%	69,7%	100,0%
		Gender groups	23,8%	45,5%	21,1%	23,4%
	Total	Cluster groups	14,9%	7,8%	77,3%	100,0%
		Gender groups	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%

Table 3

Descriptive table of the conjugacy of pastime in the Internet space and clustered groups of fears

			Pastaim		Total
			High level	High level	
Cluster groups	The fear of lack of control	Cluster groups	60,0%	40,0%	100,0%
		Internet space	17,2%	18,5%	17,7%
	The fear of social assessment and intervention	Cluster groups	63,8%	36,2%	100,0%
		Internet space	34,5%	31,5%	33,3%
	The fear of self-harm or self-family	Cluster groups	66,7%	33,3%	100,0%
		Internet space	27,6%	22,2%	25,5%
	The irrational fears	Cluster groups	54,5%	45,5%	100,0%
		Internet space	20,7%	27,8%	23,4%
	Total	Cluster groups	61,7%	38,3%	100,0%
		Internet space	100,0%	100,0%	100,0%

For citation

Kozlova N.V., Ryabinin A.S. Actual fears of gender groups representatives integrated into the internet-space. *Med. psihol. Ross.*, 2019, vol. 11, no. 5 [in Russian, abstract in English]. Available at: <http://mprj.ru>

[В начало страницы](#)

[mail.ru](#)